

156 3 0 UKD 1990

Первое впечатление

Борис Годунов глазами Тарковского

Андрей Тарковский ставил «Бориса Годунова» в лондонском театре Ковент-Гарден еще в 1983 году. Мы были наслышаны об этой единственной оперной работе режиссера, мечтали ее увидеть-услышать. И вот спектакль перенесен на сцену Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова английскими режиссерами Стивенем Лоулессом и Ириной Браун — его увидели ленинградцы. А в минувшую субботу, 27 октября, он был дан в Москве, в Большом театре, в рамках оперной панорамы, которая только что завершилась. Декорации Николая Двигубского прибыли из Лондона, было ощущение, что мы прикоснулись действительно к чему-то, что еще хранит тепло Андрея...

Произошло то, что и должно было произойти: соприкосновение великой музыки, великого современного художника и нас самих, которым музыка Мусоргского становится все более и более близкой, ибо говорит нам о нас самих. Первое достоинство спектакля в том, что он позволяет погрузиться в музыку и ощутить ее как естественное высказывание человека. Режиссура Тарковского в опере, как и в его фильмах, рождает новое сценическое пространство как новое жизненное пространство. Нечто таинственное, загадочное, неожиданное и при этом естественное есть в этой жизни на сцене.

Тарковский ставил спектакль о трагедии совести, о мучениях, которым личность может подвергнуть людей, и люди могут подвергнуть личность, о взаимной, если угодно, вине людей. И спектакль Кировского театра под управлением талантливого дирижера Валерия Гергиева, инициативе которого мы немало обязаны тем, что спектакль появился в Ленинграде, а теперь и в Москве, сохраняет это внутреннее напряжение.

Мне кажется, что, создав «Бориса Годунова» на сцене Ковент-Гардена, вдали от Родины, в непростой для себя психологической ситуации творческого взлета и душевного разлада, Тарковский сделал еще один свой фильм, в том смысле фильм, что он доказал на театральной, тем более на оперной сцене, общехудожественную значимость тех принципов, которым следовал в жизни, в своем киномышлении, в своих кинематографических шедеврах. Он сумел на сцене организовать движение людей и движение характеров в атмосфере взаимной зависимости, взаимной погруженности и взаимной

поддерживает всех. Это почувствовал Тарковский, и в этом угадывается его отношение к трагическому искусству вообще, к трагической музыке, в частности, к трагедии как к спасению, как к самосожжению. Один из персонажей — Варлаам — загримирован под Мусоргского. Мне неважно сейчас, в какой степени это дерзко, в какой остроумно, а в какой необязательно. Для меня важнее желание режиссера иметь на сцене среди персонажей живого Мусоргского, чтобы как бы заглядывать ему в глаза и общаться с ним, даже в театрализованно-костюмированном обличье. Это желание держать, ощущать руку гения из другой эпохи, в котором ты ощущаешь нечто близкое.

Тарковский, которого все считали, и справедливо, уникальной личностью и особой индивидуальностью, замечательно ощущал общую закономерность и нес в себе общее, то общее, что людей может соединить. Обращение к «Борису Годунову» — может быть, наиболее выпуклое, наиболее ясное высказывание Тарковского о его отношении ко всеобщему в искусстве, к великому в русском искусстве, к трагическому в отечественном искусстве и в Отечестве, в его исторической и современной жизни.

Замечательный спектакль поставил Тарковский. Значение его для оперного искусства как уникального постановочного опыта велико. Спектакль идет в единой декорации, большое значение имеет в нем световая партитура, хореография; много интересных, многозначных деталей. В режиссерском мышлении Тарковского всегда образная стихия и образное мышление определяют собой любую конкретную деталь и здесь тоже: карта России как некий ковер, как полотно или как саван, в который прячется мучающийся Борис Годунов...

Тарковский избрал авторскую редакцию Мусоргского, а редакция эта на сцене Большого театра пока еще не звучала, хотя в ряде театров страны и мира она становится все более и более распространенной. Оркестровка — оригинальная партитура Мусоргского несет в себе общечеловеческую, и это именно стремился воплотить Тарковский. Это спектакль-размышление, спектакль-притча, спектакль, сотканный из ощущений музыки и вылившийся в огромное чувство, ощущение, ощущение

которым личность может подвергнуть людей, и люди могут подвергнуть личность, о взаимной, если угодно, вине людей. И спектакль Кировского театра под управлением талантливого дирижера Валерия Гергиева, инициативе которого мы немало обязаны тем, что спектакль появился в Ленинграде, а теперь и в Москве, сохраняет это внутреннее напряжение.

Мне кажется, что, создав «Бориса Годунова» на сцене Ковент-Гардена, вдали от Родины, в непростой для себя психологической ситуации творческого взлета и душевного разлада, Тарковский сделал еще один свой фильм, в том смысле фильм, что он доказал на театральной, тем более на оперной сцене, общехудожественную значимость тех принципов, которым следовал в жизни, в своем киномышлении, в своих кинематографических шедеврах. Он сумел на сцене организовать движение людей и движение характеров в атмосфере взаимной зависимости, взаимной погруженности и взаимного влияния друг на друга, в пластике, в системе световых сопоставлений, в ритмах движения.

Тарковский, который делал спектакль свой в Лондоне со знаменитым дирижером Клаудио Аббадо, а теперь как бы сотрудничает, сам того уже не ведая, с другим дирижером на сцене Ленинградского театра, бывшего Мариинского, где был «Борис Годунов» поставлен впервые, в городе, где Мусоргский завершил свою жизнь, где покоится его прах, как бы напоминает нам, что Мусоргский в художественном и еще больше в человеческом аспекте является русским, вечным, загадочным богатырем и вечно униженным человеком, который сохраняет свое внутреннее величие только в самом себе, и этим, как выясняет-

та велико. Спектакль идет в единой декорации, большое значение имеет в нем световая партитура, хореография; много интересных, многозначных деталей. В режиссерском мышлении Тарковского всегда образная стихия и образное мышление определяют собой любую конкретную деталь и здесь тоже: карта России как некий ковер, как полотно или как саван, в который прячется мучающийся Борис Годунов...

Тарковский избрал авторскую редакцию Мусоргского, а редакция эта на сцене Большого театра пока еще не звучала, хотя в ряде театров страны и мира она становится все более и более распространенной. Оркестровка — оригинальная партитура Мусоргского несет в себе обращенность в глубину души человеческой, и это именно стремился воплотить Тарковский. Это спектакль-размышление, спектакль-притча, спектакль, сотканный из ощущений музыки и вылившийся в огромное чувство, чувство всепроникающей печали, которая может быть способна излечить больную совесть человечества через переживание, через всепрощение, покаяние и надежду на истину.

Спектакль Тарковского, показанный в Москве Кировским театром и театром Ковент-Гарден, еще раз доказывает, как многое можно сделать сегодня в пору новой открытости, нового миропорядка в культуре для того, чтобы мы могли участвовать в мировом художественном процессе, могли реально обмениваться художественными ценностями. Мы обрели многое за последнее время. Мы заново обрели и творчество Тарковского в полном его объеме. Мы многое обрели, и многое научились ценить.

Андрей ЗОЛОТОВ.